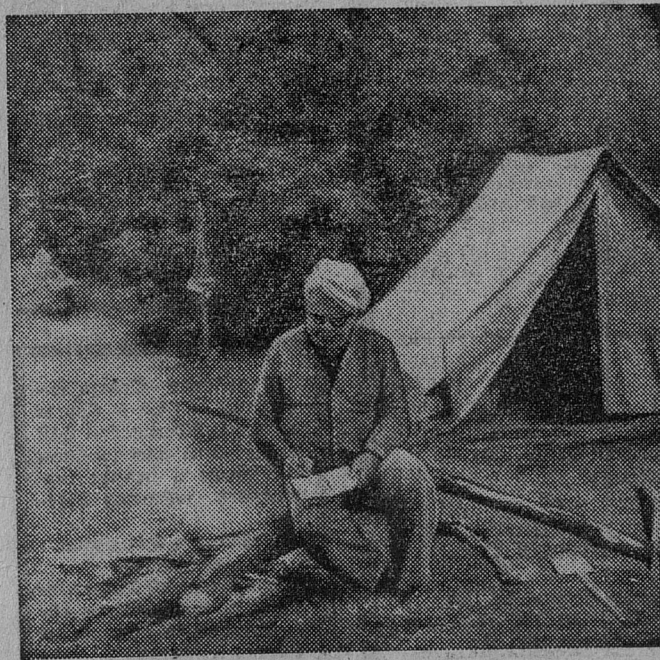

К 75-летию

со дня рождения

Всеволода Иванова

ЩЕДРОСТЬ

Всеволод Иванов за рабочим столом

Весна 1964 года наступала медленно, словно нехотя, долго из моего окна на переделькинской даче почти насквозь проглядывался простор березового сада Всеволода Иванова. Березки молодые, весенняя их неедетость слепит глаза белизной стволов.

Я привыкла в любое время года видеть утрами Всеволода Вячеславовича, идущего березовой аллеей на прогулку куда-нибудь в поле или в лес — перед работой он избегал людных «проспектов» поселка. Никогда я не замечала у него вялой походки, мне запомнились его энергичный шаг, плотная и прямая фигура. Казалось, не одно еще десятилетие назначено этому человеку шагать по земле.

Иногда обратно он возвращался поспешно, и я понимала: что-то его тревожно торопит к столу, к рукописи, — неожиданно явившийся образ, вспыхнувшее в мозгу свежее слово: за работу, быстрее!

Под вечер той же березовой аллеей в дом Всеволода Вячеславовича приходили друзья. Дом никогда не был одиноким. В доме шумела, спорила, росла, мужала юность. Воскресными днями Всеволод Вячеславович с женой, краси-

вым и верным другом своим Тamarой Владимировной, окруженный детьми, семьями детей, товарищами детей, шел уже по-другому, в другую прогулку: теперь он был почтенным главою большого, ладного, веселого семейства, вслушивался в молодые вокруг себя голоса, любопытно и добро вглядывался в юность. Мне нравилась незатихающая, полная труда и творчества, острых умственных и художественных интересов жизнь в переделькинском доме Всеволода Вячеславовича, центром которой он был.

...Всеволода Иванова я знала давно, хотя знакома с ним была лишь последнее время.

Зима 1927 года. Я студентка, недавно в Москве. Как все провинциалы, разумеется, влюблена в театр. Московский театр двадцатых годов... Вахтанговский, и Малый, и Камерный, но прекраснее всех МХАТ, Московский Художественный! Смотрели мы во МХАТе «Синюю птицу», «Вишневый сад», «Горячее сердце», «На дне», «Три сестры», и вот стало известно: к десятилетию Октябрьской революции пойдут новый советский спектакль «Бронепоезд 14-69».

Партизанские повести Вс. Иванова у нас, студентов, пользовались успехом необычайным. Пленяла грубоватая, прямая, необыденная парти-

занская жизнь, с таким смелым знанием описанная в повестях, героика революционной борьбы и характеров, густой, пестрый, талантливый народный язык — Всеволод Иванов был одним из любимых наших писателей.

В ноябрьские дни 1927 года мы выстояли много часов в очереди за билетами на «Бронепоезд». Наша студенческая компания захватила самые дешевые билеты на места в узеньких балкончиках, повисших, как кармашки, по стенам с той и другой стороны зрительного зала.

Самые счастливые мои ожидания меркнули перед тем, что я увидела, пережила, испытала, когда зеленноватый занавес с чайкой медленно раздвинулся, и на несколько часов я перенеслась в простую и романтическую, невдуманную и близкую к высокой фантазии, всамделишную, неприкрашенную, настоящую жизнь! Мы, мое поколение, встретившее революцию в детстве и отрочестве, не воевавшее за революцию, с чувствами понятной зависти, благодарности и восхищения узнавали в спектакле «Бронепоезд 14-69», как и кем революция делалась...

Затем прошло много времени, и обстоятельства свели меня с Всеволодом Вячеславовичем в жизни. Мы вместе работали в приемной комиссии при Московском отделении Союза писателей. Авторитет Вс. Иванова был велик, писатели — члены ко-

миссии — относились к нему с сердечным вниманием и трогательной бережностью.

А я через столько лет после пережитого когда-то на «Бронепоезде» МХАТа, встретив почитаемого автора, признаюсь, убоялась: вдруг разочаруюсь. Я напрасно опасалась. Я встретила человека необыденного, человека не быта, не расчета, а художника, человека исключительной художественной чуткости. И вот что отрадно было в этом писателе, не отвлеченном, каким был для меня в двадцатые и тридцатые годы Всеволод Иванов, а в этом уже пожилом и утомленном человеке, не суетливом, но внутренне очень живом: было отрадно, что он, один из зачинателей советской литературы, любимец Горького, так щедр и добр оказался к начинающим литераторам. Очень щедр! Настолько, что иной раз его доброта казалась мне снисходительностью.

Но потом я поняла: Всеволод Иванов любил угадывать в человеке искру и верить и ждать, что из искры возгорится пламя. Или, выражаясь точнее, найдя в начинающем литераторе хоть что-то, хоть небольшое, он всегда наде-

ялся, что из этого небольшого вырастет подлинное и, кто знает, может быть, появится новый большой писатель, и наша литература станет еще богаче, еще славнее. Литературу он любил бескорыстно и самозабвенно. Не мудрено, что при таком высоком, исключаящем всякие практические расчеты отношении к искусству Всеволод Вячеславович и к товарищам по работе, старым и вновь приходящим, относился с доверием и уважительно. Но уж если случалось ему встретить в молодом литераторе нравственную нечистоплотность, меркантильность, делачество, он становился холодным, недоступным и замкнутым. Я не помню, чтобы Всеволод Вячеславович произносил когда-нибудь громкие и высокие слова, но небудничность его душевного строя ощущалась во всем — в поступках, отношении к людям, в оценках людей и событий. Реакция его на зло и добро была быстрой и безошибочной.

Для меня, как, конечно, и для очень, очень многих читателей, чудесной радостью была последняя из опубликованных при жизни повестей Все-

волода Иванова «Хмель, или Навстречу осенним птицам». С первых строк этой повести вас охватывает очарование, вы входите в мир поэзии истинной, чем-то молодым, острым, нежным веет на вас, словно запахом долетевшего из луга свежескошенного сена. Внезапно тревога кольнет сердце. «Да простят мои собеседники мою вечернюю службу, идущую, может быть, нестройно. Лемех мой спакан и истерт от долгой работы, ибо пашня была длинна».

Вы остановитесь в горечи. «Лемех мой спакан...». Точно предчувствие. Зачем это? Нет, не надо, не надо!

Но по мере чтения повести, с замечательной яркостью видения мира, свежестью чувств, необыкновенностью народного, русского, несравненного языка, забываешь, что «пашня была длинна»... Молодость повести захватывает, заражает, чарует. Хочется идти, идти, странствовать, видеть, чувствовать, действовать, жить!

Удивительным, большим писателем и человеком был Всеволод Иванов...

М. ПРИЛЕЖАЕВА